

Д. В. Ефременко

«ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ»

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ ВО ФРАНЦИИ

В ПЕРИОД РАБОТЫ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА

Дмитрий Валерьевич Ефременко — доктор политических наук, профессор, руководитель департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: d.efremenko@hse.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются идеи о будущем европейского политического порядка, обнародованные французскими социальными мыслителями в период работы Венского конгресса. Анализируется подготовленный К.-А. де Сен-Симоном при участии О. Тьери проект создания европейского «политического тела» и дополнение к нему, опубликованное незадолго до битвы при Ватерлоо, а также сочинение Л. де Бональда «Размышления об общем интересе Европы», увидевшее свет в начале 1815 г.

Сен-Симон и Бональд внесли существенный, хотя и не равноценный вклад в конструирование образа объединенной Европы. Проект Сен-Симона предусматривал реорганизацию социальных и политических институтов, в значительной мере воспроизведившую институциональный дизайн, характерный для английской политической системы. Он практически полностью игнорировал историко-культурное многообразие стран Европы; евроинтеграция, по Сен-Симону, предполагала безусловное восприятие всеми ее участниками либеральных политических ценностей. В своей модели европейского конституционного порядка Сен-Симон стремился соединить знание и собственность, рекрутировать их носителей, способных подняться над групповыми и национальными интересами, для преобразований международного масштаба.

Рассуждения Бональда об общеевропейском интересе тоже ориентированы на политическую гомогенизацию, но на принципиально иной основе. В его глазах международный порядок, способный обеспечить мир и стабильность в Европе, был прежде всего порядком моральным. Бональдианскую Европу сплачивали ценности, причем выстроенные в достаточно жесткую иерархию, где ценности индивидуальной свободы безусловно подчинены христианским догматам и ценностям социальных общностей. Именно проблематика ценностей не позволяет списать размышления Бональда о Европе в репозиторий безнадежно устаревших политических идей, делая их автора

идейным предтечей современных правых популистов, евроскептиков и идеологов постлиберализма.

Ключевые слова: проекты европейской интеграции, Венский конгресс, Клод-Анри де Сен-Симон, Луи де Бональд, ценности, политические институты, политический порядок

Существует легенда, согласно которой в разгар Великой французской революции два компаньона собирались нажиться на намечавшемся сносе собора Парижской Богоматери, выкупив металлическую кровлю и затем перепродавая ее части для последующей переплавки¹. Один из этих дельцов еще недавно сам служил мессы, будучи епископом Отенским. То был Шарль Морис де Талейран-Перигор. Второй предприниматель носил подчеркнуто безликое имя — Боном (добрый человек, простец). Но он не был простецом. Род его восходил к Карлу Великому; более близкий его родственник, герцог, оставил знаменитые мемуары о событиях при дворе Людовика XIV и эпохе Регентства. Имя Боном взял себе Клод-Анри де Рувруа, граф де Сен-Симон.

¹ https://en.wikipedia.org/wiki/Henri_de_Saint-Simon.

Задуманная спекуляция, если она действительно планировалась, не удалась, собор пережил революционные потрясения, утратив лишь шпиль и головы каменных скульптур французских королей, отсеченные по распоряжению Робеспьера. Два десятилетия спустя, после капитуляции Парижа, отречения Наполеона и реставрации Бурбонов, пути компаньонов далеко разошлись. Талейран собирался ехать на конгресс в Вену, где ему предстояло продемонстрировать вершины дипломатического мастерства; Сен-Симон — снова под своим настоящим именем и с прежним графским титулом — сочинял в преддверии Венского конгресса памфлет, в котором предлагал свой проект объединения Европы.

Талейрана и Сен-Симона можно назвать великими предпринимателями, но каждый преуспел в предпринимательстве особого рода. Талейран — это образец расчетливого политического предпринимателя; Сен-Симон — тип предпринимателя-прожектера, жаждущего преобразовать мир и тем достичь славы и благосостояния. Мечтая облагодетельствовать человечество великими делами (о чем еще в юношеские годы он приказал слуге каждое утро ему напоминать), Сен-Симон всю свою жизнь превратил в восхождение от одного проекта к другому. Чем большим оказывался их масштаб, тем меньше шансов было на их успешное осуществление, по крайней мере при жизни автора. Но неудача одного проекта чаще всего побуждала Сен-Симона выдвигать еще более дерзкую идею, пленяющую воображение, но кажущуюся очень далекой от реальности.

В числе проектов Сен-Симона был и план объединения Европы. Несмотря на амбициозность, он вовсе не стал для Сен-Симона вершиной устремлений. В увязке с другими, более значимыми для него идеями, граф высказывался о необходимости поставить в основу преоб-

разования европейских дел общечеловеческий интерес на протяжении почти всей своей карьеры социального мыслителя. Но в 1814 г. повод был особый: судьба Европы, вчерне решенная силой оружия в капитулировавшем Париже, должна была усилиями монархов и дипломатов обрести завершенные очертания в Вене. И Сен-Симон, работая в большой спешке вместе со своим секретарем — юным Огюстеном Тьери, использовал этот повод.

По словам секретаря Венского конгресса и советника князя Клеменса фон Меттерниха Фридриха фон Генца, «никогда еще ожидания широкой общественности не были так возбуждены, как перед открытием этого торжественного собрания. Люди были уверены в общей реформе политической системы Европы, в гарантии вечного мира, даже в возвращении золотого века»².

² Цит. по:
Zamoyski 2007:
550.

³ Krause 1920.

⁴ Van der Palm
1814.

Вполне понятно, что Венский конгресс побудил задуматься о будущем европейского порядка многих и очень разных авторов. Практически синхронно с Сен-Симоном свой проект создания европейской конфедерации подготовил немецкий философ Карл Христиан Фридрих Краузе³; тогда же профессор Лейденского университета Йоханнес ван дер Пальм опубликовал памфлет «Мир Европы»⁴, в котором противопоставил «истинный мир» на базе равновесия сил независимых европейских государств «ложивому» и «кровавому» европейскому миру под скипетром Наполеона. В течение нескольких последующих лет появилось еще несколько проектов преобразования континентального порядка, в том числе путем создания федеративного Европейского союза (именно с таким названием). Этую идею выдвинул в 1821 г. датский государственный деятель Конрад Фридрих фон Шмидт-Фисельдек. Критически оценивая результаты Венского конгресса и стратегию «баланса сил», Шмидт-Фисельдек предлагал объединить европейские державы в федерацию, способную на долгосрочной основе конкурировать с восходящей мировой державой — Соединенными Штатами. Европейский союз в версии датского политика должен был иметь общую Конституцию, парламент и верховный суд; после устранения внутренних тарифных барьеров следовало ввести в обращение единый «европейский доллар»; предусматривалось и создание общей европейской армии при одновременном роспуске армий национальных государств и отказе последних от права объявления войны. По убеждению Шмидта-Фисельдека, «Европа как цивилизованное государство народов настолько связана и переплетена во всех своих частях, что каждая отдельная единица может процветать только в условиях всеобщего благодеяния, а страдания одной части должны ощутимо воздействовать на всех остальных; изолированное состояние более немыслимо ни для одного государства, оно отбросило бы нас к первоначальным условиям грубоści и бескультурья»⁵.

Но если вернуться именно ко времени работы Венского конгресса, а также турбулентных событий, разворачивавшихся в эти месяцы во Франции, то, помимо авторов развернутых проектов евростроитель-

⁵ Schmidt-Phiseldek
1821: 138—139.

ства, было немало и тех наблюдателей, кто, гадая на географических картах о предстоящей перекройке границ больших и малых государств Европы, попутно высказывал те или иные идеи о прошлом, настоящем и будущем континента как некоего целого. В их числе был и другой не-заурядный француз — Луи де Бональд. Именно он назвал Венский конгресс «Генеральными штатами Европы», собирающимися второй раз в истории континента, спустя полтора столетия после первой сессии, результатом которой стал Вестфальский мир⁶.

⁶ Bonald 1815: 6.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы, ограничившись небольшим, но исторически уникальным темпоральным локусом периода проведения Венского конгресса (18 сентября 1814 г. — 9 июня 1815 г.), подробнее рассмотреть идеи о прошлом и будущем Европы, авторами которых были Сен-Симон (в сотрудничестве с Тьери) и Бональд. Такое рассмотрение не внесет много нового в историю самого Венского конгресса и его восприятия французскими интеллектуалами, но, как представляется, будет полезным для более комплексного понимания истоков современных еврооптимизма и евроскептицизма.

И Сен-Симон, и Бональд после реставрации Бурбонов демонстрировали лояльность режиму, но располагались на разных концах достаточно широкого политического спектра лоялистов. Их интеллектуальные устремления имели противоположную направленность: Сен-Симон всей душой рвался к пророчеству им будущему; Бональд, по распространенному убеждению, был обращен в прошлое. Однако при всей «реакционности» Бональда, его «science de société» сильно повлияла и на Сен-Симона, и на его ученика Огюста Конта, который уже в 1830-х годах начал выстраивать здание «социальной физики», и на отца-основателя современной социологии Эмиля Дюркгейма⁷.

⁷ Reedy 2008.

Даже применительно к теме европейского единства следует избегать соблазна объявить Сен-Симона столпом евроинтеграции, а Бональда — вдохновителем евроскептиков. У «прогрессиста» Сен-Симона наблюдательный читатель найдет немало консервативных и даже расистских высказываний, а некоторые мысли «ретрограда» Бональда и в XXI в. прозвучат вполне современно. Сен-Симон не скрывал сомнений в результативности Венского конгресса и потому считал необходимым заранее предложить его решениям радикальную альтернативу; Бональд был более оптимистичен в отношении конгресса как форума, призванного реализовать общеевропейский интерес, и, строго говоря, предлагал лишь отдельные корректизы. Более весомыми представляются не конкретные предложения Бональда, а некоторые из выдвинутых им аргументов.

Сен-Симон и Европа

Тема Европы и ее объединения занимала Сен-Симона практически с самого начала его литературной карьеры. Рамки национального государства казались ему тесными уже в первых работах, посвященных обеспечению прогресса научного знания. По убеждению Сен-Симона,

коллективное действие во имя торжества разума должно быть делом всех европейцев, которым необходимо избавиться от шор национального эгоизма. Его ранние проекты, как вполне обоснованно заметил Ханс Моргентау, были нацелены на сплочение европейского общества через соединение «каналами Тихого океана с Атлантикой, Мадрида с морем, Дуная с Рейном, Рейна с Балтикой»⁸. Причем сплочение это

⁸ Morgenstau 1947:

75.

было в первую очередь физическим, а части европейского общества могли быть локализованы далеко за пределами европейского континента (например, в испанских колониях в Америке). Но и сама Европа выступала для Сен-Симона не целью, а средством реализации очередного проекта. Континентальный формат для визионерских амбиций Сен-Симона — лишь промежуточная остановка. В конечном счете речь шла о высшем благе просвещенного человечества, главным агентом которого выступает европейская раса, стоящая — у Сен-Симона тут не убить, не прибавить — выше всех других рас. Только европейская раса является носителем просвещения; представители «кровожадной» негроидной расы никогда не станут просвещенными в силу базовых физических особенностей⁹, тогда как азиатская раса едва ли окажется на это способна в силу «лени». В этом явно расистском контексте рассуждения Сен-Симона о европейцах отчасти теряют привязку к конкретному континенту.

⁹ См. Manuel 1956:

408.

Вместе с тем уже в первом литературном опыте Сен-Симона — «Письмах женевского обитателя к современникам» (1802) — присутствовало европейское измерение. Действия европейских правительств, писал он, пока «не стеснены никаким заметным противодействием со стороны управляемых», однако спокойствие это не будет длительным. Причиной тому — не просто социальный или политический кризис, но кризис человеческого сознания, являющийся «общим для всех просвещенных народов», причем симптомы, «какие наблюдались во Франции во время произшедшего там взрыва, разумный наблюдатель может заметить у англичан и даже у немцев»¹⁰. Единственный способ преодолеть этот кризис — уделить основное внимание «регуляторам хода развития человеческого ума», предоставив в руки ученых материальные и властные рычаги воздействия на социальные отношения во имя общего блага. Но и этого мало. Сен-Симон претендовал на создание новой, «научной» религии, в которой, согласно его сновидению, рядом с Творцом восседает Ньютон, направляющий просвещение и повелевающий «жителями всех планет». На Земле же высшей инстанцией будет «Совет Ньютона», состоящий из 21 высокоученого избранника, чьей задачей станет разделение человечества на четыре части — английскую, французскую, германскую и итальянскую, каждая из которых будет администрироваться аналогом главного Совета, уполномоченным мудро управлять соответствующей четвертью земного шара. «Как только будут произведены выборы в главный совет и в советы отдельных частей, бич войны покинет Европу, чтобы никогда не возвращаться в нее»¹¹.

¹⁰ Сен-Симон
1948а: 123.

¹¹ Там же:
138—139.

Из конкретных международных задач общеевропейского уровня Сен-

Симон упоминал лишь одну — освобождение «братьев греков от владычества турок»¹².

¹² Там же: 139.

Впрочем, следует заметить, что сам проект создания «научной религии» едва ли казался в 1802 г. чрезмерно экстравагантным. В конце концов, только в этом году собор Парижской Богоматери, чью крышу так и не довелось распилить на части Сен-Симону и Талейрану, решением Первого консула перестал быть Храмом Верховного Существа и вернулся в лоно католической церкви.

Идея связи между военно-политическими катаклизмами и кризисом сознания, между научными революциями и революциями политическими была развита Сен-Симоном в «Очерке науки о человеке» (1813), призванном обосновать необходимость создания универсальной антропоцентрической науки, объединяющей физиологию, социальные и философские дисциплины. Именно новая комплексная наука о человеке, в отличие от математики и физики, в чьем миротворческом потенциале автор выражал разочарование, виделась ему способной остановить идущее в Европе кровопролитие. Со ссылкой на императора Наполеона Сен-Симон заявлял, что нахождение средств для ускорения прогресса науки попутно позволит решить задачу восстановления спокойствия в Европе, преобразовать сообщество европейских народов и улучшить судьбы человеческого рода¹³. В сущности, предлагавшееся Сен-Симоном средство излечения Европы от ее застарелых болезней сводилось к передаче властных полномочий небольшой группе научной (технократической) элиты, инструментом реализации предписаний которой могла бы стать система управления наполеоновской империи.

За «Очерком науки о человеке» (он достаточно долго не публиковался и циркулировал в рукописном виде) последовал «Труд о всемирном тяготении» (1813), в начале которого Сен-Симон обещал найти способ заставить англичан признать принцип свободы мореплавания. Для этого он предлагал Наполеону объявить конкурс на лучший проект преобразования европейского общества с призовым фондом в 25 млн. франков. При этом Сен-Симон предъявлял Наполеону, ведущему отчаянную борьбу против новой коалиции, сформировавшейся после изгнания остатков французской армии из России, серьезные политические условия:

«Ваше величество! Работы всех авторов будут согласны в одном пункте, именно, что все народы континента должны объединить свои усилия, чтобы принудить англичан признать свободу плавания; но еще более категорически всеми авторами будет признан другой пункт, именно: ваше величество должно отказаться от протектората над Рейнским союзом, вывести войска из Италии, возвратить свободу Голландии, прекратить вмешательство в дела Испании, одним словом, войти в свои естественные границы.

Если ваше величество согласно отказаться от своих завоевательных планов, то ваше величество вынудит англичан восстановить сво-

¹³ Сен-Симон
1948b: 207—208.

боду морей. Если же ваше величество пожелает еще более увеличить огромное количество приобретенных вами лавров, то ваше величество разорит Францию и в конце концов окажется в прямом и полном противоречии со стремлениями своих подданных»¹⁴.

¹⁴ Сен-Симон
1948с: 210—211.

Далее Сен-Симон заявлял, что «Труд о всемирном тяготении» есть не что иное, как первый набросок разрабатываемого им проекта преобразования европейского общества, причем логика сочинения состоит в том, «что идея всемирного тяготения должна послужить основой новой философской теории, а новая политическая система в Европе явится следствием новой философии»¹⁵. Он увещевал императора ознакомиться с его работой, которая лишь на первый взгляд выглядит «философским бредом, похожим на проект вечного мира аббата Сен-Пьера»¹⁶.

¹⁵ Там же: 212.

¹⁶ Там же: 211.

На протяжении большей части работы Сен-Симон совершенно забывал об изначально заявленной задаче найти средства заставить Англию придерживаться принципа свободы мореплавания, обсуждая широкий круг физических, социальных, политических и моральных проблем, подчас весьма далеко отстоящих и от гравитационной теории Ньютона.

В предпоследнем ее разделе Сен-Симон анонсировал создание в течение 12 лет четырех очерков: «Очерк науки о человеке», первый раздел которого в рукописном виде был подготовлен в 1813 г., предстояло полностью завершить к 1816 г., затем с трехлетним лагом должны были появляться «Очерк философии», «Очерк преобразования духовенства» и «Очерк национального преобразования различных народов»¹⁷. Впрочем, наиболее важные свои идеи Сен-Симон все же предполагал представить *urbi et orbi* в более сжатые сроки.

¹⁷ Там же: 284.

«Результатом этих трудов, — обещал он, — будет реорганизация европейского общества посредством особого учреждения, общего для всех народов, которые его составляют. Это учреждение, смотря по степени просвещения каждого народа, будет представляться ему научным или религиозным, но оно во всяком случае окажет положительное политическое действие в обуздании честолюбия народов и королей, действие, которое, вероятно, сначала будет направлено против Англии, но неизбежно будет применено во всей своей силе и к французам, если они не возвратятся к своим естественным границам и конституционным путем не откажутся выходить из них.

Сила ученых Европы, объединенных в одну общую корпорацию и имеющих своей связью философию, основанную на идее тяготения, будет неизмерима»¹⁸.

¹⁸ Там же:
287—288.

Наконец, финальная часть «Труда о всемирном тяготении» представляла собой обращение к самим европейским ученым, оборванное буквально на полуслове. Сен-Симон провозглашал, что пришло время заменить клерикальную организацию католической церкви организацией научной, для чего призывал научные общества стран Европы направить своих делегатов в Рим для избрания нового папы. Судя по тому,

что Сен-Симон включил в текст начало возвзания «первого папы новой научной теории», его едва ли мучили сомнения в отношении личности научного первоиерарха.

Не будем забывать и об индивидуальных обстоятельствах претендента на «научное папство» в первой половине 1810-х годов. После вполне благополучных лет, когда материальное благополучие Сен-Симона обеспечивалось щедростью богатого покровителя, некогда бывшего его слугой, с 1810 г. наступил период тяжелых лишений. Никто больше не желал содержать Сен-Симона и содействовать продвижению его проектов, долги множились, да и кредиторы в конце концов начали отказывать в дальнейших займах.

Сен-Симон пережил глубокий психологический надлом и в 1813 г. провел многие месяцы в пансионе для душевнобольных в парижском предместье. Лечение, а также некоторые положительные сдвиги в части материального положения вернули Сен-Симону его прежнюю энергию и амбиции. Но в 1814 г. на первый план выдвинулись обстоятельства макрополитические. Падение Наполеона привело к длительной задержке в выплате пенсии; нужно было налаживать отношения с новыми властями, и Сен-Симону, теперь охотно вспоминавшему о своем графском титуле, это вроде бы удалось. Во всяком случае Хартию Людовика XVIII он принял с энтузиазмом, а в первые дни после высадки Наполеона в заливе Жуан вместе с Тьери выпустил яростный антибонартистский памфлет «Символ веры»¹⁹, казалось бы, скигавший все мосты между ним и правительством периода Старт дней. Но нет. Всего лишь через месяц после публикации «Символа веры» при содействии министра внутренних дел (а также выдающегося математика и инженера) Лазара Карно он получил место помощника библиотекаря в Библиотеке Арсенала.

Однако после Ватерлоо Сен-Симону опять пришлось налаживать отношения с властями Второй Реставрации. На сей раз сделать это было сложнее. Должность в Библиотеке Арсенала у него отняли, и с началом белого террора он всерьез подумывал об эмиграции. И все же он остался во Франции и продолжил свою деятельность.

Как мы отметили выше, проект объединения Европы в единое политическое тело был анонсирован Сен-Симоном еще в 1813 г. Тем не менее текст «О реорганизации европейского общества...»²⁰ готовился в большой спешке, и это особенно ощущается при чтении его последних глав. Презентационная логика здесь очевидна: когда же и заявлять новый проект преобразования Европы, как не в канун открытия крупнейшего дипломатического конгресса, призванного установить новый международный порядок? Но уже в самом начале сочинения Сен-Симон и его соавтор демонстрировали скепсис в отношении способности конгресса обеспечить мирное и благополучное будущее континента. Даже таланты таких выдающихся дипломатов, как Талейран, Меттерних и Роберт Стюарт Каслри, по мнению Сен-Симона, были не в состоянии обеспечить достижение согласия на основе общеевропей-

¹⁹ Saint-Simon et Thierry 1815a.

²⁰ Saint-Simon et Thierry 1814.

ского интереса. Свою же задачу он видел в том, чтобы определить этот интерес и убедить всех влиятельных акторов поставить его выше национальных, династических, сословных, религиозных, групповых и индивидуальных интересов.

Вместе с тем требовалось представить читающей публике нечто большее, чем просто литературный курьез. В отличие от работ предыдущих лет, Сен-Симон сделал центральной политico-институциональную аргументацию. При этом к Европе во всем ее историко-культурном многообразии он оставался практически индифферентным, даже не утруждая себя задачей демаркации (отделения от не-Европы)²¹, решить которую еще в XIV в. пытался легист Филиппа Красивого Пьер Дюбуа, а в XV в. — король Чехии Иржи из Подебрад. В сущности, для Сен-Симона существовали только два европейских субъекта — Англия и Франция, — которые должны были распространить свои институты на остальную Европу и тем самым объединить ее. Мнение других европейских держав и наций, судя по всему, Сен-Симона не слишком волновало.

Проект Сен-Симона имел солидную генеалогию и в свою очередь, после некоторого полузабвения, занял почетное место в генеалогическом древе евроинтеграции, которое на данный момент венчают Римский (1957), Маастрихтский (1992) и Лиссабонский (2007) договоры. Но сам Сен-Симон упоминал только двух предшественников — Генриха IV (чей «Великий план» был разработан и изложен герцогом Сюлли) и аббата Сен-Пьера. «Великий план» предполагал существенную перекойку границ европейских государств, сокращение их числа до 15 и последующее объединение в конфедерацию, имеющую наднациональные институты, наделенные функцией верховного арбитража. Отдавая должное «Великому плану», Сен-Симон указывал на его нереалистичность, поскольку каждый из 15 суверенов должен был ставить общеевропейские интересы выше собственных, что под силу лишь дальновидным и великодушным правителям вроде Генриха IV, но не всем монархам одновременно.

До 1814 г. об идеях аббата Сен-Пьера, разработавшего в кулуарах Уtrechtского конгресса «Проект установления вечного мира в Европе», Сен-Симон высказывался с долей иронии, следя в этом примеру Вольтера, Жан-Жака Руссо и Фридриха II; однако в памфлете «О реорганизации европейского общества...» он уже достаточно подробно разбирал содержание проекта Сен-Пьера. Согласно этому проекту, мирное устройство должно было обеспечиваться равновесием сил, поддерживаемым искусственной дипломатией и скрепляемым конфедеративным устройством Европы. При этом сама система общеевропейского равновесия, однажды установленная, должна была оставаться неизменной как в плане внутриполитического устройства, так и с точки зрения нерушимости межгосударственных границ. Острое критики Сен-Симона было направлено как раз в эти точки. Во-первых, он критиковал проект Сен-Пьера за неспособность поставить в центр предлагаемой полити-

²¹ Лишь в 1817 г., на излете своего сотрудничества с Сен-Симоном, Тьерири сделает уточнение о пределах «истинной Европы» — они заканчиваются на границах с Россией (см. Гладышев 2014: 92).

ческой системы интересы народов Европы, возвысив их над интересами монархов; а во-вторых, указывал на то, что неизбежным следствием его реализации станут политический и социальный застой, блокировка развития, неустранимость обломков феодализма. Суть системы Сен-Пьера, по мнению Сен-Симона, — это взаимная гарантия государей, позволяющая им сохранять неограниченную власть.

Итак, Сен-Симон комментировал лишь два проекта преобразования международного порядка и установления вечного мира в Европе, оба — французского происхождения. Значит ли это, что вне его (и Тьери) внимания остались все другие проекты и размышления о будущем континента, включая появившиеся в период между Французской революцией и Первой Реставрацией? Даже если предположить отсутствие интереса к литературе на других языках, тот же трактат Иммануила Канта «К вечному миру» мог быть известен Сен-Симону во французском переводе, появившемся спустя год после выхода немецкого оригинала (1795). Степень влияния Канта на проект Сен-Симона остается дискуссионной; скорее, можно говорить об опосредованном воздействии и целом ряде содержательных сближений.

В отличие от Канта, Эдмунд Бёрк и его идеологическая позиция упоминались в трактате «О реорганизации европейского общества...». Однако последняя крупная работа Бёрка «Письма о цареубийственном мире»²², где наиболее полно представлено консервативное видение Европы как общего дома и аргументирована необходимость всеевропейского единства против революционного террора, фактически оставлена без внимания, хотя и сам Сен-Симон неоднократно высказывался о пагубных последствиях установления политического режима, подобного якобинской диктатуре.

В чем же заключалась суть предложений Сен-Симона и что он привнес нового по сравнению с предшественниками?

Его основной тезис заключался в том, что достижение устойчивого мира на европейском континенте может быть обеспечено лишь путем реорганизации политической системы Европы (здесь очевидное сближение с Кантом), направленной на создание единого «политического тела» — конфедерации, управляемой европейским парламентом. Страны, входящие в европейскую конфедерацию, должны вслед за локомотивами интеграционного процесса — Англией и Францией — установить у себя представительную систему правления, избавившись как от социально-политических структур феодальной эпохи, так и от любых форм диктатуры. Обеспечение политической интеграции Англии и Франции через создание единого парламента Сен-Симон считал достаточным для запуска общеевропейского объединительного процесса. По его мнению, Германия, которой самой еще только предстоит объединиться, избежав по возможности революционных потрясений и создав общие институты представительного правления, в дальнейшем присоединится к англо-французскому союзу. Альтернативы выбора, с которыми будут иметь дело другие европейские нации, Сен-Симону

²² Burke 1796.

уже не представлялись заслуживающими обсуждения, поскольку после присоединения Германии евроинтеграционный процесс фактически станет необратимым.

В политico-институциональной структуре объединенной Европы Сен-Симон отводил решающую роль европейскому парламенту, и в этом, по справедливой оценке Жана Жореса²³, он оказывался пионером в ряду авторов интеграционных проектов. Воспроизведя структуру законодательных органов Англии и Франции периода Реставрации, европейский парламент должен был состоять из палаты депутатов и палаты пэров. Предполагалось, что законы и распорядительные акты европейского парламента будут иметь обязательную силу для национальных парламентов и правительств, а сам он выполнять функцию верховного арбитра в разрешении межгосударственных споров. Хотя детальное разграничение сфер компетенций между этим органом и национальными парламентами и правительствами Сен-Симоном не проработано, по его замыслу европейский парламент должен был обладать значительными и разнообразными полномочиями как в сферах налогообложения и инфраструктурного развития европейской территории, так и в сферах образования и распространения новой морали.

Согласно Сен-Симону, объединенная Европа должна была быть монархией; ее король, именуемый в тексте «королем европейского парламента (*le roi du parlement européen*)», описывался им как наследственный «глава европейского общества», за которым закреплено право созыва обеих палат европейского парламента. Характеристика этого института — самый краткий и туманный раздел текста «О реорганизации европейского общества...». Сен-Симон говорил лишь о том, что эта тема настолько важна, что ее тщательной разработке будет посвящено отдельное сочинение.

Европейский парламент должен был формироваться по принципу корпоративного представительства с имущественным цензом. Сен-Симон считал этот аспект реорганизации европейского социально-политического порядка чрезвычайно важным, ибо, с его точки зрения, он позволит ускорить повсеместное утверждение в Европе индустриальной системы и призвать к реализации властных полномочий людей, сведущих в делах промышленности, науки, искусства, управления, государства и права. В нижнюю палату парламента должны были входить предприниматели, ученые, судебные и администраторы. Каждый из них должен был преодолеть ценз в размере 25 тыс. франков поземельной ренты; а поскольку далеко не все деятели науки при всех своих выдающихся достоинствах располагают такими капиталами, при избрании депутатами их просто следовало наделить соответствующей собственностью. Члены верхней палаты должны были назначаться королем из числа лучших представителей тех же корпораций, что образуют палату депутатов; для пэров, чье пребывание в составе верхней палаты должно было стать пожизненным и наследуемым, имущественный ценз составлял 500 тыс. франков поземельной ренты. Не обладающие подобными

²³ Jaurès 1903: 146.

средствами, но получившие назначение также должны были автоматически надеяться необходимым капиталом.

Можно сказать, что в этой модели европейского конституционного порядка Сен-Симон стремился соединить знание и собственность, рекрутировать их носителей, способных подняться над групповыми и национальными интересами, для преобразований международного масштаба. Поэтому вполне уместно квалифицировать Сен-Симона уже в момент написания текста «О реорганизации европейского общества...» как идеолога технократического интернационализма²⁴.

²⁴ Eijking 2022.

Первые главы сочинения «О реорганизации европейского общества...» полны уверений в лояльности режиму Реставрации, а также похвал английской парламентской системе правления. То, что Сен-Симон был вполне искренен если не в выражении почтения к Людовику XVIII, то, во всяком случае, в приверженности октроированной им Хартии, убедительно подтверждает антибонапартистский памфlet «Символ веры», опубликованный в те дни, когда многие другие видные парижские публицисты предпочитали хранить молчание, выжидая развязки триумфального шествия Наполеона к французской столице. Но в своем проекте объединения Европы Сен-Симон вместе с тем решительно критиковал ошибочные действия и колебания правительства Людовика XVIII в первые полгода его нахождения у власти (а также осуждал политику лондонского кабинета тори, явно ожидая, что его рано или поздно сменят идеализируемые им виги). Сен-Симон предсказывал ни больше ни меньше как новую революцию, единственным средством остановить которую, по его убеждению, было формирование англо-французского государственного союза.

Сен-Симон, несомненно, обладал выдающимся даром социального визионерства. Будучи склонным его гиперболизировать, Сен-Симон в конце жизни уже видел себя пророком, устами которого говорит сам Господь (так гласил текст обращения к монархам Европы, завершившего последнее творение Сен-Симона «Новое христианство»²⁵). В этом смысле достаточно быстрое перерождение части его последователей в своеобразную религиозную секту со своим священным писанием и иерархической церковной организацией было вполне ожидаемым.

²⁵ Сен-Симон
1948d: 435.

В памфлете «О реорганизации европейского общества...» Сен-Симон вполне точно описал процессы, итогом которых стала революция 1830 г., а на следующем витке спирали социально-политических потрясений — революция 1848 г. Но при этом его визионерство отличалось дальновидностью: Сен-Симон провидел 1830 г., но не сумел предсказать 1815-й.

В конце концов, тексты социально-политических пророчеств надо читать без изъятий, поскольку за одной фразой, представлявшейся вчера или кажущейся сегодня провидческой, наверняка последует фраза банальная, а за ней — наивная или самонадеянная. И если кто-то из парижан в 1870 г., в дни битвы на Марне или в 1940 г. принимался читать памфлет «О реорганизации европейского общества...», то главы о Гер-

мании, где превозносились немецкие миролюбие, нравственная чистота и благородство чувств, могли в лучшем случае вызвать у них горькую усмешку.

С другой стороны, Сен-Симону нельзя отказать и в способности идти против течения, будь это поток фактов или предрассудки. Можно было рассуждать о создании англо-французской конфедерации перед открытием Венского конгресса, но чтобы говорить о том же, пусть даже в смягченной версии альянса между Лондоном и Парижем²⁶, в дни, когда войска англичан и их союзников готовились к решающей битве с французами, требовалось изрядное мужество. Главный аргумент Сен-Симона и Тьери в пользу союза именно с Англией состоял в предполагаемой политico-институциональной общности, ибо только сближение с Лондоном могло обеспечить закрепление во Франции конституционных принципов, позволяющих избежать как монархического деспотизма, так и разгула революционной стихии. Данный тезис в дальнейшем получит развитие в доктринальных установках либерального интернационализма и представлениях о демократическом мире, в особенности в том постулате, что «демократии не воюют друг с другом».

В дальнейшем, без малого сто лет спустя, о Сен-Симоне начнут вспоминать как о предвестнике англо-французской Антанты или — еще через четверть века — союза Лондона и Парижа на начальном этапе Второй мировой войны. Впоследствии окажется, что для процесса европейской экономической и политической интеграции реальным драйвером станет тандем Германии и Франции, тогда как попытки вывести на первый план ось Лондон-Париж не дадут искомого результата. Сейчас, после Brexit, англо-французский проект Сен-Симона и вовсе выглядит иллюзорным. Впрочем, вполне возможно, что в XXI в. Европу как политическую общность ожидают не менее драматические повороты, чем в предыдущем столетии...

В новой гlorификации Сен-Симона, в его почитании с начала 1990-х годов едва ли не апостолом евростроительства есть немало того, что можно назвать «иронией истории». Спору нет, фамилии двух авторов проектов объединения Европы, аббата Сен-Пьера (*Saint-Pierre*) и графа Сен-Симона (*Saint-Simon*), действительно перекликаются с именами апостолов Петра и Симона. Правда, в это же самое время имя Сен-Симона выпало из «святцев» научного коммунизма, но это уже другая история.

Бональд и Европа

Бональд — значимая фигура в анналах европейской социально-политической мысли, один из трех столпов французского консерватизма начала XIX в. наряду с Франсуа Рене де Шатобрианом и Жозефом де Местром. Можно сказать, что Бональд до сих пор находится в тени двух последних, что легко объяснимо выдающимся вкладом Шатобриана в художественную литературу эпохи романтизма (тогда как Бональда зачастую обвиняли в недостатках стиля и даже в полном отсутствии

²⁷ Koyré 1971: 124. литературных способностей²⁷) и сложившимся вокруг де Местра ореолом парадоксальности и некоторой таинственности, обусловленной не в последнюю очередь его высоким положением в масонских кругах.

С де Местром Бональд не был знаком лично, но их переписка является ценным памятником консервативной политической мысли начала XIX в. С Шатобрианом он тесно сотрудничал и дружил до тех пор, пока незадолго до Июльской революции из-за разногласий о цензурной политике их пути не разошлись. Вот совсем не беспристрастное суждение Шатобриана, высказанное уже после разрыва: «Господин де Бональд обладал умом тонким и проницательным; его находчивость окружающие приняли за гений; свою метафизическую политику он измыслил в армии Конде, в Шварцвальде, подобно профессорам из Иены и Геттингена, которые вскоре возглавили отряды своих учеников и сложили голову за свободу Германии»²⁸.

²⁸ Шатобриан
1995: 185.

Но в чем же заключалась бональдианская «метафизическая политика»? Любая добросовестная попытка разобраться в биографии и идейном наследии Бональда приводит к выводу, что этот деятель отнюдь не принадлежал к когортне неисправимых, тех, кто «ничего не забыл и ничему не научился». Виконт де Бональд, безусловно, принципиально последователен как контрреволюционер, защитник монархической системы правления, прав дворянства и католической церкви, но его идеи не были застывшими, а политическая тактика, по крайней мере до 1820-х годов, оставалась достаточно гибкой, учитывающей меняющиеся реалии. Идеи Бональда о прошлом и будущем Европы как целого так или иначе связаны с осмыслением Французской революции и ее идейных истоков.

Начиная с первой и важнейшей работы «Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе» (1796), Бональд стремился построить здание консервативной политической идеологии на рациональных, «научных» (здесь явное сближение со сциентизмом Сен-Симона) основаниях. Его ближайшая, наиболее очевидная цель состояла в том, чтобы показать, что революция, породив надежды на возрождение человечества, на самом деле ускорила его деградацию. Ниспровергая институты монархии, религии и семьи, она пошла против человеческой природы, ибо и эти институты, и государство формируются органически, а не возникают через акт учредительной власти. Как писал Бональд, «человек не должен создавать общество, но, напротив, общество создает человека, под чем я понимаю его формирование посредством социального воспитания»²⁹.

²⁹ Bonald 1843: 3.

Импульс, приданый Бональдом последующему развитию теории общества, оказывается изначально антилиберальным: социальная общность стоит у него выше индивида, поскольку человек как социальное животное совершенствуется только в социуме, где религиозная составляющая не отделена от политической и не противопоставлена ей; соответственно, гуманизация (используем здесь этот термин) социального животного и формирование здорового гражданского общества

становятся возможными благодаря постоянной подпитке политической сферы идеями, установками и образцами поведения, в основе которых лежит вера в Создателя. В конечном счете его власть в посюстороннем мире находит выражение в авторитете легитимной монархии. Попытка же революции заново учредить государственные институты и создать новое общество не просто нарушает естественный социальный порядок и механизмы его регулирования, но закладывает основу новых социальных конфликтов и кризиса человеческой природы. Отступление от принципов естественного права и основанного на нем общественного устройства порождает состояние социального беспорядка, которое, однако, сколь бы длительным оно ни было, преходяще, так как сообщества разумных существ, следя природе вещей, в конечном счете стремятся к восстановлению порядка и гармонии³⁰.

³⁰ Bonald 1817: 24—30.

Бональд многое предвидел, но эти предвосхищения имели мало общего с нарочитыми пророчествами Сен-Симона (не говоря уже о совершенно разных психотипах этих мыслителей). Его предсказания были основаны на анализе большого объема эмпирических данных и этнографических наблюдений, на его подходе «science de société», который вполне можно считать протосоциологическим. Как отмечал Роберт Нисбет, заслуга Бональда состояла не в общей рефлексии макросоциологических понятий, а в попытке рассмотреть «общество в полном смысле, в котором этот термин охватывает все группы и ассоциации, в которых существуют индивиды»³¹. Фокусируя внимание на социальных группах и ассоциациях, Бональд показывал их ключевую роль как связующих структур между индивидом и государством. Тем самым он заполнил лакуну в социальном теоретизировании, сохранявшуюся на протяжении полутора веков — от Томаса Гоббса до Руссо.

Зашитник социального статуса и функций дворянства, Бональд указывал на последствия трансформаций, в авангарде которых пойдет третье сословие, — имущественную поляризацию как производную экономической модели *laissez-faire*, нарастание общественных диспропорций и недугов на фоне урбанизации и индустриализации, подрыв традиционных семейных устоев и увеличение количества разводов, мрачную оборотную сторону торжества индивидуализма, которую Дюркгейм впоследствии назовет аномией. Его этатизм, сочетавшийся с корпорativизмом, вполне гармонировал с той авторитатической эволюцией, которую проделал наполеоновский режим; напротив, конституционный режим Реставрации, обеспечивший Бональду карьерный взлет, оказался для него более проблематичным, а его попытки исправить положение, содействуя ужесточению политического курса Карла X, в конечном счете ускорили окончательное падение власти старшей ветви династии Бурбонов.

Если же попытаться включить Бональда как социального теоретика и политического идеолога в длительный временной контекст, то прежде всего обнаружится достаточно оснований говорить о преемственности (а не антагонизме) между ним и Сен-Симоном, а затем Контом и

Дюргеймом. Помимо признания социальной значимости корпораций, бональдианская трактовка революции как пути к анархии и дезорганизации общества получает очень близкое истолкование и у Сен-Симона, и у Конта, и даже у Пьера-Жозефа Прудона.

На поверхности лежит влияние Бональда на последующие поколения правых и ультраправых мыслителей — на Фредерика Ле Пле (его горячим поклонником в России был Константин Победоносцев), Шарля Морраса и современных правых популистов, евроскептиков и идеологов постлиберализма, близких к нынешнему вице-президенту США Джеймсу Д. Вэнсу. И хотя в современной России Бональда знают недостаточно, его идеи вполне совместимы с отечественным политико-идеологическим мейнстримом.

Построения Бональда явно нашли отражение и в «ревизионизме» Франсуа Фюре и историков его направления, при том что в данном случае более значимым, разумеется, было токвилевское влияние.

Возможно, один из самых интригующих моментов — своеобразный прорыв Бональда, жесткого критика Просвещения, в будущий идеиный мир Постмодерна с его представлениями о социальной природе языка и фукианской генеалогией власти³².

Наконец, все идеиное наследие Бональда уместно рассматривать как оригинальный вариант политической теологии и выстраивать от него мостик к идеям Хуана Доносо Кортеса и далее к политической теологии Карла Шмитта.

Каково же европейское измерение идеиного наследия Бональда?

Взгляд Бональда на Европу как общность глубоко укоренен в его философской концепции и представлениях о Французской революции. Европа для Бональда есть основное пространство христианского мира, в центре которого — Франции — свершился ужасный, по сути — атеистический переворот: «В наши дни посреди христианской Европы, в самом сердце цивилизации, возникло независимое государство, которое сделало атеизм своей религией, а анархию — своим правительством. Вооруженное против общества, это чудовищное государство имело все признаки общества; его властителем был непомерный дух заблуждения и обмана; его основным законом была ненависть ко всякому порядку. Его подданными были люди, терзаемые ненавистью и алчными страстями; его правителями и служителями были глубоко развращенные или несчастливо обольщенные существа, которые, под именами или названиями, навсегда ставшими знаменитыми, объединенные одними и теми же клятвами и — еще более — одними и теми же преступлениями, приказали совершить это ужасное действие³³ всеми средствами гения и осуществили его со слепой преданностью фанатизма»³⁴.

³² См. Klinck 1996.

³³ Речь идет о революционном терроре.

³⁴ Bonald 1836: 25—26.

Конечно, это была не просто философия, но философия — вспомним шатобриановский сарказм, — «измыщенная» в эмигрантской армии принца Конде, которая в союзе с Австрией и Пруссией сражалась с войсками революционной Франции. Разумеется, Бональд при этом ни миг не переставал быть французом, он никогда не ставил

принадлежность к семье европейских народов выше национального начала, хотя — опять же в силу логики своей философской системы — отвергал идеи заведомого превосходства одного европейского народа над другим³⁵.

³⁵ Увы, для евреев Бональд делал исключение; у него были публикации, воспроизводившие стандартный набор антисемитских утверждений, а основным направлением социальной эманципации евреев он считал обращение их в католицизм (см. Bonald 1806).

³⁶ Bertran de Balanda 2021: 258—265.

³⁷ [Bonald] 1801.

Взгляды Бональда на европейскую политику во многом основывались на том тезисе, что стремление к гегемонии и агрессивная внешняя политика присущи скорее республикам, чьи режимы далеки от стабильности, нежели традиционным монархиям, которые заинтересованы именно в стабильности как внутри страны, так и на международной арене³⁶. Можно сказать, что аргументация Бональда способна послужить материалом для оппонирования теории демократического мира, по крайней мере в ранних версиях Канта или Томаса Пейна.

Однако виконт де Бональд не был склонен к чрезмерным иллюзиям относительно природного миролюбия Старого режима. Во всяком случае, он проявлял готовность вносить корректизы в выстроенную им систему аргументации, заявляя, например, что Вестфальский мир не сумел обеспечить выход Франции к ее естественным пределам, тогда как революционный режим этой цели достиг, а КампоФормийский договор 1797 г. не только зафиксировал новую международную реальность, но и проложил путь к более здоровому переустройству Европы³⁷. Мало того, именно Вестфальский мир, ставший важным рубежом в закреплении в международном праве принципа полноты суверенного контроля независимого государства над своей территорией, критиковался Бональдом как шаг в пагубном направлении, поскольку Вестфальская система в конечном счете вела к утверждению атеистического догмата о религиозном и политическом суверенитете человека.

Сочинение Бональда «Размышления об общем интересе Европы, сопровождаемые некоторыми соображениями о дворянстве» (1815), которому в этой статье уделяется наибольшее внимание, имеет несколько смысловых слоев. На поверхности лежит попытка убедить читателей (наиболее важные из которых в момент публикации все еще находились на конгрессе в Вене) в необходимости сохранить за Францией ее «естественные границы» по Рейну и в Бельгии. Вполне понятна популярность этой установки у французской аудитории и скепсис — у зарубежных адресатов данного месседжа. В конце концов, эра наполеоновских войн завершилась как раз на территории Бельгии, и у союзников, жаждавших воспользоваться плодами своей победы в условиях прочного мира, было мало желания оставлять Бельгию под контролем Парижа, кто бы в данный момент ни занимал дворец Тюильри.

Более глубокий и представляющий отдельный интерес смысловой слой — это система доводов в поддержку тезиса о необходимости устроения Франции в ее естественных границах. Говоря о Франции, Бональд пытался вывести более общую закономерность, обуславливающую экспансию континентальных держав, а именно их стремление достичь естественных и этнолингвистических пределов. То есть речь шла о территориальной экспансии вплоть до достижения крупных природ-

ных преград — морей, больших рек, горных хребтов, а также взятия под контроль пространства распространения национального языка. С точки зрения Бональда, в идеале держава, достигшая своих естественных рубежей, прекращает экспансию. Конечно, история знает много случаев, когда экспансия на этих рубежах не останавливалась. В качестве примеров Бональд приводил итальянские войны королей династии Валуа, а также войны, которые Франция вела в качестве республики и империи. Однако как только внешняя экспансия французов выплескивалась далеко за естественные пределы их обитания, блестящие военные походы быстро оборачивались стратегическими поражениями, а цена, которую нужно было платить за удержание территорий за пределами естественных границ, становилась непомерной.

Разумеется, попытка доказать (причем предпринятая всего за несколько недель до возвращения Наполеона), что водворенная в свои естественные пределы Франция не поддается более соблазну экспансии, которую отвергнет общественное мнение и здравый смысл, присущий французам, не увенчалась успехом. Еще менее убедительной была ссылка на то, что победившие Наполеона державы осуществляют территориальные приращения и лишь одной Франции не позволяют завершить выход к своим естественным пределам на севере и северо-востоке. Впрочем, не слишком рассчитывая, что в отношении территориальных амбиций Франции будет проявлено понимание, Бональд выдвинул тезис, согласно которому для спокойствия и безопасности Европы в целом предпочтительно, чтобы Франция утвердилась у Рейна. Достигнув этого рубежа, она станет «первым независимым и монархическим обществом, оказавшимся в том состоянии, когда отныне незинтересованная и, следовательно, не влекомая страстями нация сможет предлагать себя в качестве защитника, посредника, арбитра для всех интересов и всех страстей»³⁸.

Согласно логике Бональда, достижение государствами их естественных границ является верным путем к умиротворению Европы, и с этой точки зрения перекройка границ, которой занялся Венский конгресс, вполне оправданна, если только реализуется данный принцип. Но в повестке конгресса оказалось достаточно отступлений от этого принципа, чтобы поставить под сомнение универсальное значение идеи Бональда. В конце концов, если строго следовать принципу естественных и этнолингвистических границ, то первоочередной задачей европейских политиков и дипломатов должно было стать объединение Германии и Италии в единые государства. Запущенный Наполеоном процесс медиатизации малых суверенных государств с рядом корректив был закреплен Венским конгрессом; создание Германского союза, чья конфигурация лишь в незначительной степени детерминировалась физико-географическими рубежами, формально было шагом к единству Германии, но фактически на полвека предопределило конкуренцию Вены и Берлина за доминирование в германском мире; в случае Италии Габсбурги становились главной преградой ее объединению.

³⁸ Bonald 1815: 27.

Бональд и сам обращал внимание на то, что даже в Европе (не говоря о гигантских азиатских просторах) не везде удается провести демаркационные линии на основе труднопреодолимых природных препятствий. Тогда в силу вступают другие ограничители, связанные со складом умов и состоянием нравов, религиозными различиями, происхождением, национальными неприязнями (сейчас мы назвали бы это отношением к значимому другому), причем у христианских держав таким ограничителем должно стать религиозное смиление. Если же на каком-то большом и открытом пространстве внутри *христианской конфедерации* не сработают и они, то тогда потребуется арбитраж (при необходимости опирающийся и на вооруженную силу) со стороны одного из мощных государств, умиротворенных в своих естественных пределах и достигших совершенства внутреннего устройства. У Бональда главным претендентом на эту роль вполне предсказуемо выступала Франция во главе с восстановленным в своих правах и властных полномочиях легитимным монархом.

Если оставить за скобками вполне понятные национальные предпочтения автора, то в самом аргументе о внутреннем совершенстве ведущей державы христианского мира можно выявить еще один смысловой слой бональдианской интерпретации Европы как общности. В отличие от Сен-Симона, считавшего, что подлинное разрешение международного кризиса возможно лишь путем *reorganizationи* европейского общества, Бональд был убежден, что «Европе требуется не только мир, главным образом и прежде всего она нуждается в *порядке* (курсив автора — *D.E.*), том самом порядке, без которого мир — лишь обманчивое затишье»³⁹. Установление или восстановление порядка, согласно представлениям Бональда, сопряжено с формированием наиболее естественных отношений между народами через возвращение к монархическому строю и ключевой роли религии в жизни общества. В конечном счете речь идет о порядке, основанном на традиционных ценностях, а главной угрозой ему являются попытки их размыкания: «надо не упрекать друг друга в промахах или ошибках, но совместно предохраняться от единственной опасности, которой стоит опасаться народам, достигшим высокого уровня цивилизованности и образованности, от опасности ложных доктрин, которые потихоньку подрывают законы, нравы, институты»⁴⁰. В плане практической политики в масштабе континента этот подход предполагал контрреволюционную солидарность европейских правительств, что вскоре нашло воплощение в декларациях и действиях Священного союза.

³⁹ Ibid.: 9.

⁴⁰ Ibid.: 28.

Бональд прослеживал исторические истоки союза монархии и христианства на протяжении тысячи лет, с эпохи Карла Великого. Реформация положила начало политическому и духовному расколу Европы, который Вестфальский мир закрепил и кодифицировал в нормах международного права. Бональд верил, что Венский конгресс в состоянии осуществить фундаментальный разворот и возобновить движение Европы в направлении политической и моральной конвергенции.

Идеалом для него была Европа XV столетия, когда папство на время вернуло себе высший духовный авторитет и при необходимости брало на себя функции политического арбитража. Можно вспомнить, что тот же самый период европейской истории почитал образцовым и Сен-Симон. Но если Сен-Симон считал возможным вновь сплотить Европу благодаря утверждению авторитета новой, «научной» религии, то Бональд рассчитывал на возращение Европы к этому идеальному, «естественному» состоянию без столь существенных корректив, хотя и с признанием принципа религиозного плюрализма в разных частях континента.

Следуя этой *реставрационной* логике, Бональд добавил к тексту «Размышлений об общем интересе Европы...» вторую часть, посвященную актуальному положению и перспективам дворянства. По его словам, «рассматривать тему дворянства означает также рассматривать общий интерес Европы»⁴¹. Очевидно, что решение в общеевропейском масштабе задачи восстановления порядка должно было опираться на социальную силу, которая возьмет на себя эту миссию. Однако наибольший интерес в рассуждениях Бональда представляет не защита прежних привилегий дворянства, а апелляция к потребности общества в эффективной и компетентной государственной службе. В сущности, он ставил вопрос и о качестве экспертного знания для целей государственного управления, и о надлежащем исполнении управленческих решений. Первое соотносилось им с исходными функциями дворянства мантии (мудрый совет относительно закона), второе — с функциями дворянства шпаги (исполнение законов, служение как сражение). Если несколько осовременить рассуждения Бональда, то можно говорить об эксперторатии и технократии, то есть о темах, которые находились в центре внимания Сен-Симона. Институционализация особого сословия, наделенного полномочиями в области государственного управления, виделась и Сен-Симону, и Бональду важнейшей социальной задачей. Но Бональд не считал нужным формировать такое сословие с нуля; по его убеждению, необходимо вернуть дворянство к его функции служения, устранив прошлые привилегии и наделив всей полнотой ответственности перед обществом. Он был готов признать, что в Европе 1815 г. такая трансформация может показаться утопичной; его контраргумент заключался в том, что реставрация монархии Бурбонов во Франции совсем недавно представлялась еще большей утопией.

⁴¹ Ibid.: 42.

И если осуществление утопии возможно, то тогда *естественные* идеи (их также можно назвать традиционалистскими) повсеместно в Европе придут на смену идеям либеральным.

Сегодня, более чем 200 лет спустя, обо всех утопиях — реакционных, прогрессистских, технических — мы должны судить с еще большей осторожностью. Они возможны, но недолговечны; зато их последствия могут иметь множественные кумулятивные эффекты. При всех достоинствах политической теологии Бональда, до сих пор не оцененной в полной мере, в его модели социального порядка нет развития, да и

то, что выглядит как порядок, таит в себе семена новых социальных катализмов. В этом плане лучше подвести черту, предоставив слово мыслителю, находящемуся в мировоззренческом отношении по ту же сторону баррикад, что и сам Бональд, — Доносо Кортесу. В своей третьей «Лекции по политическому праву», прочитанной еще при жизни Бональда, в 1836 г., он обратил внимание на следующий момент: «Если власть и публичное служение являются средствами, по утверждению Бональда, а общее благо является целью, то лишь последнее является необходимым; первые же должны претерпевать изменения, необходимые для его реализации, ведь только для этого они и существуют. Их существование является необходимым, так как без них всеобщее благо не сможет реализоваться. Однако сам Бональд признает в другом месте, что власть может находиться в руках притеснителей и публичное служение — в руках падших людей. Если это будет так, то общее благо как единственное необходимое по сути своей не сможет реализоваться без риска для людей, работающих на него, ведь оно подразумевает одновременно и счастье подданных, и очищение власти и публичного служения. Бональд, без всякого сомнения, даже не предполагал, что подобными своими построениями он санкционировал вмешательство народа — то есть подданного — в волю и в действия власти, которую он сделал всемогущей»⁴².

⁴² Доносо Кортес
2017: 150.

Заключение

Сен-Симон и Бональд внесли внушительный, хотя и не равнозначенный вклад в конструирование образа Европы как проекта, который может иметь различный дизайн. У них было немало сближений, и не все из них кажутся странными. Даже принципы и практики Священного союза в конце концов одобрили оба, исходя при этом из далеко не совпадающих побуждений. И все-таки из XXI в. даже применительно к европейской проблематике Сен-Симона и Бональда проще представить антагонистами. Причиной тому служит реальная или потенциальная востребованность их идейного наследия представителями сил, чаще всего противостоящих друг другу на национальных и общеевропейской политических аренах.

Проект Сен-Симона стал сегодня чем-то вроде «места памяти» объединенной Европы. В символической и исторической политике Евросоюза как наднационального объединения сам факт его появления в 1814 г. может быть более значимым, чем конкретное содержание. Даже лелеемый Сен-Симоном меритократический или технократический принцип управления европейским «политическим телом» по прошествии двух с небольшим столетий вырождается в экспансию могущественной и все более автономной от национальной почвы еврократии. Суть этого процесса довольно точно передает Иосиф Бродский: «Звуко-подражательный джин бюрократии наконец вырвался наружу и теперь откликается на имя еврократия. Его стихия — воздух, и он летает повсюду, главным образом первым или бизнес-классом, говорит на язы-

ках, носит пятисотдолларовые костюмы итальянского покроя, не заботясь ни о кресте, ни о мезузе. У него есть также степень по экономике, либо политологии, он, кажется, женат, но это не обязательно, проживает преимущественно в столицах, но имеет и дом за городом. Описание хоть и беглое, но из него ясно одно: вы никогда уже не загоните его обратно в бутылку»⁴³.

⁴³ Бродский 2001:

75.

Однако помимо управленческой, есть и более важная характеристика, указывающая на живую связь и преемственность проекта Сен-Симона и современного дизайна и практик функционирования Европейского союза. Речь идет о гегемонии либеральной политики-институциональной модели. У Сен-Симона именно на ее основе должно было состояться формирование англо-французского «политического тела»; затем Германия, сразу же после национального воссоединения, предстояло принять решение об интеграции с этим телом, после чего все прочие европейские нации, охваченные мощным объединительным потоком, также к нему присоединятся. Если здесь и останется пространство для политического выбора, то в лучшем случае одноразового, без всяких последующих «exit'ов». При сохранении формальной независимости европейских государств проект Сен-Симона не оставлял их народам дальнейшей свободы действий и не создавал эффективных преград для постепенного перетекания властных полномочий на наднациональный уровень. Доминирующим являлся принцип независимости общеевропейской власти от национальных правительств и ее идеологическая гомогенность («Лица, составляющие общее правительство, должны в силу своего положения быть склонными к общим взглядам и проявлять особую заботу об общих интересах»⁴⁴). В этом ракурсе актуальная концентрация все большего объема фактических полномочий и ресурсов влияния внутри ЕС в руках Ursuly фон дер Ляйен и возглавляемой ей Еврокомиссии видится не аномалией, а чем-то развивающим общую логику институционального дизайна объединенной Европы à la Сен-Симон и Тьерри.

⁴⁴ Saint-Simon et Thierry 1814: 31.

В отличие от Сен-Симона, Бональд вовсе не стремился поразить воображение читающей публики радикальным проектом преобразования континента. Он едва ли лукавил, возлагая именно на Венский конгресс надежды в части упорядочения европейских дел и умиротворения народов, прошедших через горнило революционных потрясений. Мыслитель, и сегодня продолжающий нести на себе ярлык ярого реакционера, очевидно, не мог предложить что-либо сверх идеи порядка, обеспечивающего не просто международное равновесие и социальную стабильность, но — в первую очередь — порядок нравственный, основанный на вере в Создателя.

Лишь внимательный анализ рассуждений Бональда позволяет увидеть в них полноценную альтернативу построениям Сен-Симона. Франкоцентричность доводов Бональда, подкрепляемая и оригинальной для своего времени geopolитической аргументацией, важна в нескольких отношениях. Франции было суждено увлечь за собой Европу

в пучину революционного кризиса; именно Франции, полагал Бональд, предстоит возглавить и ее возрождение на пути гармоничного сочетания духовного и светского начал, точнее — монархии и христианства. На этом пути, однако, произойдет территориальное укрепление в пределах «естественных границ» не только Франции, но и других крупных европейских держав, включая в будущем Германию и Италию. Попутно — через ту же медиатизацию — будет преодолеваться наследие Вестфальской системы с ее нагромождением суверенитетов разнокалиберных государственных образований. Бональд исходил из того, что, урегулировав свои проблемы территориального роста, крупные европейские державы начнут моральное и политическое сближение. Но в его идеальной схеме речь не шла о заимствовании чужих политических институтов и стирании на этой основе государственных границ. По сути, это была Европа укрупненных отечеств, объединенных принадлежностью к христианству, авторитетом монархических династий и стремлением избежать новых революционных потрясений.

Таким образом, международный порядок, обеспечивающий мир и стабильность в Европе, прежде всего должен был быть порядком моральным. Бональдианскую Европу сплачивали ценности, причем выстроенные в достаточно жесткую иерархию, где ценности индивидуальной свободы безусловно подчинены христианским догматам и ценностям социальных общностей, в которые интегрированы отдельные индивиды. Аномалия революции, нарушившая порядок, формировавшийся в Европе со времен Карла Великого, в конечном счете была вызвана тем, что принципы равенства и индивидуальной свободы были поставлены в эпоху Просвещения во главе новой ценностной иерархии.

Можно сказать, что именно проблематика ценностей не позволяет списать рассуждения Бональда о Европе в репозиторий безнадежно устаревших политических идей. Любой современный евроскептик или правый популист, критикующий ценностный релятивизм, пренебрежение устоями и идентичностью традиционных сообществ, в ретроспективном поиске интеллектуальной поддержки довольно быстро придет к идейному наследию Бональда, обнаружив у него не только объяснимую архаичность формулировок и среднего качества литературный стиль, но и на удивление эшелонированную систему доводов идеолога-традиционалиста. В конце концов одной лишь Европой дело не ограничится: при необходимости Бональд добавит аргументы и тем, кто стремится «сделать снова великой» заокеанскую империю, и тем, кто разрабатывает идеологию евразийской цивилизации-государства.

Библиография

- Бродский И. (2001) «Что видит Луна» // *Старое литературное обозрение*, № 2 (278): 75—81.
- Гладышев А.В. (2014) *Миры К.-А. Сен-Симона. Между Наполеоном и Людовиком XVII*. Саратов: Изд-во Саратовского университета.

Доносо Кортес Х. (2017) «Теория деспотизма: третья лекция из цикла „Лекции по политическому праву“, прочитанная в Мадридском Атенео 6 декабря 1836 г.» // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, т. 1, № 2: 136—154.

Сен-Симон К.-А. (1948а) «Письма женевского обитателя к современникам» // Сен-Симон. *Избранные сочинения: В двух томах*. Том I. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР: 105—145.

Сен-Симон К.-А. (1948б) «Очерк науки о человеке» // Сен-Симон. *Избранные сочинения: В двух томах*. Том. I. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР: 146—208.

Сен-Симон К.-А. (1948с) «Труд о всемирном тяготении» // Сен-Симон. *Избранные сочинения: В двух томах*. Том. I. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР: 209—290.

Сен-Симон К.-А. (1948д) «Новое христианство» // Сен-Симон. *Избранные сочинения: В двух томах*. Том II. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР: 364—438.

Шатобриан Ф.Р. (1995) *Замогильные записки*. М.: Изд-во им. Сабашниковых.

Bertran de Balanda F. (2021) *Louis de Bonald, philosophe et homme politique (1754—1840)*. Paris: CNRS Éditions.

[Bonald L.-G.-A.] (1801) *Du traité de Westphalie, et de celui de Campo-Formio: et de leur rapport avec le système politique des Puissances Européennes, et particulièrement de la France*. Paris: Le Normant.

Bonald L.-G.-A. (1806) «Sur les Juifs» // *Mercure de France*, 8.02: 249—267.

Bonald L.-G.-A. (1815) *Réflexions sur l'intérêt général de l'Europe, suivies de quelques considérations sur la noblesse*. Paris: Le Normant.

Bonald L.-G.-A. (1817) *Législation primitive, considérée dans les derniers temps par les seules lumières de la raison, suivie de plusieurs traités et discours politiques*. Paris: Adriene Le Clere.

Bonald L.-G.-A. (1836) *Essai analytique sur les lois naturelles de l'ordre social, ou du pouvoir, du ministre et du sujet dans la société*. Paris: Le Clere.

Bonald L.-G.-A. (1843) *Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile, démontrée par le raisonnement et par l'histoire*. Т. 1. Paris: Le Clere.

Burke E. (1796) *Two Letters Addressed to a Member of the Present Parliament, on the Proposals for Peace with the Regicide Directory of France*. London: F. and C. Rivington.

Eijking J. (2022) «A „Priesthood of Knowledge“: The International Thought of Henri de Saint-Simon» // *International Studies Quarterly*, vol. 66, no. 1: 96—119.

Jaurès J. (1903) «La doctrine saint-simonienne et le socialisme» // *La Revue Socialiste*, vol. 38, no. 223: 129—149.

Klinck D. (1996) *The French Counterrevolutionary Theorist Louis de Bonald (1754—1840)*. New York: Peter Lang Publishing.

- Koyré A. (1971) «Louis de Bonald» // Koyré A. *Études d'histoire de la pensée philosophique*. Paris: Gallimard: 126—145.
- Krause K.C.F. (1920) *Entwurf eines europäischen Staatenbundes als Basis des allgemeinen Friedens und als rechtliches Mittel gegen jeden Angriff wider die innere und äussere Freiheit Europas*. Leipzig: F. Meiner.
- Manuel F.E. (1956) *The New World of Henri Saint-Simon*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Morgenthau H. (1947) *Scientific Man vs. Power Politics*. London: Latimer House Limited.
- Nisbet R.A. (1944) «De Bonald and the Concept of the Social Group» // *Journal of the History of Ideas*, vol. 5, no. 3: 315—331.
- Reedy W.J. (2008) «From Theocracy to Sociolatry: Louis de Bonald and the Reactionary Roots of Social Science» // *International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*, vol. 3, no. 10: 111—116.
- Saint-Simon H. et A.Thierry. (1814) *De la réorganisation de la société européenne, ou de la nécessité et des moyens de rassembler les peuples de l'Europe en un seul corps politique, en conservant à chacun son indépendance nationale*. Paris: Adrien Egron.
- Saint-Simon H. et A.Thierry. (1815a) *Profession de foi des auteurs de l'ouvrage annoncé sous le titre de Défenseur des propriétaires de domaines nationaux, de la Charte et des idées libérales, au sujet de l'invasion du territoire français par Napoléon*. Paris: Cellot.
- Saint-Simon H. et A.Thierry. (1815 b) *Opinion sur les mesures à prendre contre la coalition de 1815*. Paris: Delaunay.
- Schmidt-Phiseldek K.F. (1821) *Der europäische Bund*. Kopenhagen: Brummer.
- Van der Palm J.H. (1814) *De vrede van Europa*. Leiden: Du Mortier en Zoon.
- Zamoyski A. (2007) *Rites of Peace: The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna*. London: Harper Collins.

D.V. Efremenko

“ESTATES GENERAL OF EUROPE” EUROPEAN IDEA IN FRANCE DURING THE CONGRESS OF VIENNA

Dmitry V. Efremenko — Doctor of Political Science; Professor; Head of the Department of Foreign Regional Studies, Faculty of World Economy and World Politics, HSE University. Email: d.efremenko@hse.ru.

Abstract. This article examines ideas about the future of the European political order promulgated by the French social thinkers during the Con-

gress of Vienna. The author analyzes the project for the creation of a European “political body” drafted by C.H. de Saint-Simon with the contribution by A.Thierry, as well as the supplement to this project published shortly before the Battle of Waterloo, and L. de Bonald’s work *Reflections on the General Interest of Europe*, which appeared in early 1815.

Saint-Simon and Bonald each made a significant, albeit unequal, contribution to the construction of a vision of a united Europe. Saint-Simon’s project proposed a reorganization of social and political institutions that largely replicated the institutional design typical of the British political system. His concept almost completely ignored the historical and cultural diversity of the European nations; in his view, European integration presupposed the unconditional acceptance of liberal political values by all participants. In his model of a European constitutional order, Saint-Simon sought to unite knowledge and property by recruiting their bearers — those capable of rising above group and national interests — for transformative efforts on an international scale.

Bonald’s reflections on pan-European interest were also oriented toward political homogenization, but on a fundamentally different basis. In his view, the international order capable of ensuring peace and stability in Europe was, above all, a moral order. Bonald’s Europe was bound by a hierarchy of values, in which individual freedom was clearly subordinated to Christian dogma and the values of social communities. It is precisely the issue of values that prevents Bonald’s works on Europe from being thrown to the archive of obsolete political ideas, positioning him instead as an ideological precursor to contemporary right-wing populists, Euroskeptics, and post-liberal theorists.

Keywords: European integration projects, Congress of Vienna, Claude Henri de Saint-Simon, Louis de Bonald, values, political institutions, political order

References

- Bertran de Balanda F. (2021) *Louis de Bonald, philosophe et homme politique (1754–1840)*. Paris: CNRS Éditions.
- [Bonald L.-G.-A.] (1801) *Du traité de Westphalie, et de celui de Campo-Formio: et de leur rapport avec le système politique des Puissances Européennes, et particulièrement de la France*. Paris: Le Normant.
- Bonald L.-G.-A. (1806) “Sur les Juifs” // *Mercure de France*, 8.02: 249–267.
- Bonald L.-G.-A. (1815) *Réflexions sur l’intérêt général de l’Europe, suivies de quelques considérations sur la noblesse*. Paris: Le Normant.
- Bonald L.-G.-A. (1817) *Législation primitive, considérée dans les derniers temps par les seules lumières de la raison, suivie de plusieurs traités et discours politiques*. Paris: Adriene Le Clere.
- Bonald L.-G.-A. (1836) *Essai analytique sur les lois naturelles de l’ordre social, ou du pouvoir, du ministre et du sujet dans la société*. Paris: Le Clere.

- Bonald L.-G.-A. (1843) *Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile, démontrée par le raisonnement et par l'histoire*. T. 1. Paris: Le Clere.
- Brodsky J. (2001) “Chto vidit Luna” [What the Moon Sees] // “Staroe literaturnoe obozrenie” [The Old Literary Review], no. 2 (278): 75–81. (In Russ.)
- Burke E. (1796) *Two Letters Addressed to a Member of the Present Parliament, on the Proposals for Peace with the Regicide Directory of France*. London: F. and C. Rivington.
- Chateaubriand F.R. (1995) *Zamogil'nye zapiski* [Mémoires d'outre-tombe]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh. (In Russ.)
- Donoso Cortés J. (2017) “Teorija despotizma: tret'ja lektsija iz tsyklia „Lektsii po politicheskому праву“, prochitannaja v Madridskom Ateneo 6 dekabrja 1836 goda” [Lecciones de derecho político, pronunciadas en el Ateneo de Madrid. Lección tercera. 6 de diciembre de 1836. Teoría del despotismo] // *Filosofia. Journal Vysshej Shkoly Ekonomiki* [Philosophy. The Journal of the Higher School of Economics], vol. 1, no. 2: 136–154. (In Russ.)
- Eijking J. (2022) “A „Priesthood of Knowledge“: The International Thought of Henri de Saint-Simon” // *International Studies Quarterly*, vol. 66, no. 1: 96–119.
- Gladyshev A.V. (2014) *Miry Saint-Simona. Mezhdu Napoleonom i Ljudovikom XVIII* [The Worlds of C.-H. de Saint-Simon. Between Napoleon and Louis XVIII]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta. (In Russ.)
- Jaurès J. (1903) “La doctrine saint-simonienne et le socialisme” // *La Revue Socialiste*, vol. 38, no. 223: 129–149.
- Klinck D. (1996) *The French Counterrevolutionary Theorist Louis de Bonald (1754–1840)*. New York: Peter Lang Publishing.
- Koyré A. (1971) “Louis de Bonald” // Koyré A. *Études d'histoire de la pensée philosophique*. Paris: Gallimard: 126–145.
- Krause K.C.F. (1920) *Entwurf eines europäischen Staatenbundes als Basis des allgemeinen Friedens und als rechtliches Mittel gegen jeden Angriff wider die innere und äussere Freiheit Europas*. Leipzig: F. Meiner.
- Manuel F.E. (1956) *The New World of Henri Saint-Simon*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Morgenthau H. (1947) *Scientific Man vs. Power Politics*. London: Latimer House Limited.
- Nisbet R.A. (1944) “De Bonald and the Concept of the Social Group” // *Journal of the History of Ideas*, vol. 5, no. 3: 315–331.
- Reedy W.J. (2008) “From Theocracy to Sociolatry: Louis de Bonald and the Reactionary Roots of Social Science” // *International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*, vol. 3, no. 10: 111–116.
- Saint-Simon C.H. (1948a) “Pis'ma genevskogo obitatelja k sovremen-nikam” [Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains] // Saint-Simon C.H. *Izbrannye sochinenija: V dvukh tomakh* [Selected Works: In Two Volumes]. Vol. 1. Moscow, Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR: 105–145. (In Russ.)

Saint-Simon C.H. (1948b) “Ocherk nauki o cheloveke” [Memoire sur la science de l’homme] // Saint-Simon C.H. *Izbrannye sochinenija: V dvukh tomakh* [Selected Works: In Two Volumes]. Vol. 1. Moscow, Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR: 146—208. (In Russ.)

Saint-Simon C.H. (1948c) “Trud o vsemirnom ttagotenii” [Travail sur la gravitation universelle] // Saint-Simon C.H. *Izbrannye sochinenija: V dvukh tomakh* [Selected Works: In Two Volumes]. Vol. 1. Moscow, Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR: 209—290. (In Russ.)

Saint-Simon C.H. (1948d) “Novoe khristianstvo” [Nouveau christianisme] // Saint-Simon C.H. *Izbrannye sochinenija: V dvukh tomakh* [Selected Works: In Two Volumes]. Vol. 2. Moscow, Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR: 364—438. (In Russ.)

Saint-Simon H. et A.Thierry. (1814) *De la réorganisation de la société européenne, ou de la nécessité et des moyens de rassembler les peuples de l’Europe en un seul corps politique, en conservant à chacun son indépendance nationale*. Paris: Adrien Egron.

Saint-Simon H. et A.Thierry. (1815 b) *Opinion sur les mesures à prendre contre la coalition de 1815*. Paris: Delaunay.

Saint-Simon H. et A.Thierry. (1815a) *Profession de foi des auteurs de l’ouvrage annoncé sous le titre de Défenseur des propriétaires de domaines nationaux, de la Charte et des idées libérales, au sujet de l’invasion du territoire français par Napoléon*. Paris: Cellot.

Schmidt-Phiseldek K.F. (1821) *Der europäische Bund*. Kopenhagen: Brummer.

Van der Palm J.H. (1814) *De vrede van Europa*. Leiden: Du Mortier en Zoon.

Zamoyski A. (2007) *Rites of Peace: The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna*. London: Harper Collins.